

А. И. Чиварзина (Москва, Россия)

Цветобозначения в устойчивых сочетаниях со значением благопожелания и проклятия в некоторых балканских языках

Устойчивые словосочетания типа благопожеланий и проклятий демонстрируют наивысшую степень метафоризации цветобозначений: в них цвет упоминается исключительно как символ. Цветобозначение обеспечивает экспрессивность высказыванию. Значимость цветобозначения в таких фразеологизмах или «полуфразеологизмах», по терминологии Н. И. Толстого (Толстой 1995: 24–25), обусловлена не только лингвистическими, но и целым рядом экстралингвистических факторов. Использование того или иного цветобозначения в устойчивом сочетании нельзя считать произвольным. Значение отдельного компонента цельной устойчивой единицы может варьироваться в зависимости от ее функций, но значение самой лексемы (пусть имплицитно) всегда присутствует в контексте фразеологизма (Кульпина 2001: 145).

Тексты проклятий и благопожеланий, которые включают в свой состав цветобозначения, встречаются нечасто по сравнению с другими более распространенными формулами. Наиболее частотны в них обозначения белого и черного. Это объясняется символической нагруженностью двух архаических цветов, которые традиционно находятся в оппозиции друг к другу и входят в синонимичные ряды таких ментальных оппозиций, как «добро — зло», «жизнь — смерть», «счастье — горе» и т. д. В анализируемых фразеологизмах чаще всего используется только одно цветобозначение (только белого или только черного), его антоним является вторым членом оппозиции и противоположностью

благо- или зло-желаемого соответственно: мак. *Bel svet da ne види!* [Чтоб ему белого света не видеть] (ФР); мак. *Da види бело видело!* [Пусть увидит белый свет] (ФР) — пожелание счастья и успехов в жизни; алб. *Qofsh i bardhë!* [Будь счастлив] (букв. «Будь белым») (Fjalor 1980); *Qofsh i bardhë si drita e diellit!* букв. [Будь белым как солнечный свет] (Tirta 2004: 72).

В албанском языке обозначение белого включено в состав понятия *fatbardhë* 'счастливая судьба' (букв. «белая судьба»), понятие 'несчастливая судьба' передается сложным словом с компонентом «черный»: *fatzi* (букв. «черная судьба»). Противопоставление белой и черной судьбы в албанской культуре отражается в текстах обрядовых диалогов в дни, связанные с восприятием начала года, и некоторые другие праздники. Подобные ритуальные диалоги, согласно исследованиям, проводимым на материале славянских языков и культур, функционально заменяют благопожелания (Агапкина, Виноградова 1994: 204): *Уходи, черная судьба! Приходи, белая судьба!* (Иванова 2006: 227); алб. *Ardhtë e bardhë!* [Пусть придет счастливый <день>] (Fjalor 1980).

Балканским народам свойственно характеризовать человека, его честное имя через фразеологическую единицу, включающую компоненты «белый» / «черный» и названия частей тела человека (лицо, щека), которые могут становиться олицетворением его чести («щека / честь»): ю.-серб. *бео ти образ* (РКМ I: 42) / мак. *има бел образ* 'иметь чистую репутацию' (букв. «иметь белую щеку») (ФР), ю.-серб. *обелит образ* 'обелить честь' (РКМ II: 2); мак. *Бело му е лицено, ама црно му е срцено* [У него белое лицо, да черное сердце] (ФР); поговорка ю.-серб. *Црна кава, али бел образ* [Черный кофе, зато белая честь] (ВП: 34) означает, что гостя нужно угостить тем, что имеется. Подобные обороты широко представлены в албанском языке: *me faqe të bardhë* [с чистой репутацией] (букв. «с белой щекой»), *faqja e zezë në kali të bardhë* [с чер-

ной честью да на белом коне] (FF: 278). В албанском языке может упоминаться также «душа»: *me shpirt të bardhë* (букв. «с белой душой») или «сердце»: *me zemër të bardhë* (букв. «с белым сердцем») (FF: 955, 1131). Наличие подобных выражений является примером функционирования не только оппозиции «белый — черный», но и «чистый — нечистый». Типичным благопожеланием является формула, включающая компоненты «щека / честь» и цветообозначение «белый»: мак. *Da ti e бел образот!* [Пусть у тебя будет чистая честь] (букв. «Пусть у тебя будет белым лицо») (ФР); алб. *Paç zemër të bardhë!* [Имей чистое сердце] (букв. «Имей белое сердце») (Fjalor 1980).

В балканославянских языках нет формул со значением угрозы и проклятия, включающих компонент «черный», однако они широко представлены в албанском: алб. *Paç zemër të zezë!* [Имей горестное сердце] (букв. «Имей черное сердце»), *Paç shpirt të zezë!* [Имей несчастную душу] (букв. «Имей черную душу»), *Paç faqe të zezë!* [Имей нечистую честь] (букв. «Имей черную щеку») (Fjalor 1980).

Несмотря на то что существует общая тенденция обозначать белым цветом нечто положительное, доброе, счастливое, встречаются и выражения, связанные с восприятием белого как цвета смерти. Это связано с ассоциациями, закрепленными за погребальными предметами: белый цвет савана, архаические элементы белого траура. При этом непосредственно сам погребальный предмет не называется, а эвфемистически заменяется обозначением цвета, традиционно характерным для него: болг. *под бяло да минеш* [под белым <т. е. в саване, под погребальной пеленой> тебе оказаться] (БРФС: 67); болг. *под бяло да се засмееш* [под белым <под погребальной пеленой> тебе засмеяться] (БРФС: 67).

Как показывает анализ подобных формул на материале балканских языков, обозначения белого и черного в них встречаются наиболее часто: «белый» используется регуляр-

но как в устойчивых сочетаниях со значением проклятия, так и в благопожеланиях, «черный» же по большей части не упоминается в последних. Другие цветообозначения практически не отмечаются в рамках благопожеланий и проклятий. Схожесть формул с использованием цветообозначений в балканославянских языках и в албанском обусловлена тесным межъязыковым и межкультурным взаимодействием балканских народов, несмотря на то что их языки не являются родственными.

Литература

- Агапкина, Виноградова 1994 — *Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н.* Благопожелание: Ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; [отв. ред. Н. И. Толстой]. М.: Наука, 1994. С. 168–208.
- БРФС — Болгарско-русский фразеологический словарь София: Наука и Искусство; М.: Русский язык, 1974.
- ВП — Враньске пословице. Т. 1 / [прикупно] Хаџи-Тодор Димитријевић. Вранье: Царство осмеха, 2006.
- Иванова 2006 — *Иванова Ю. В.* Албанцы и их соседи = Albanians and their neighbours / [Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. М.: Наука, 2006.
- Кульпина 2001 — *Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностр. яз. МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Московский лицей, 2001.
- РКМ — Речник косовског-метохиског дијалекта. Београд: Планета, 1932. Св. 1–2.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. (Традиц. дух. культура славян. Соврем. исследования).
- ФР — Фразеолошки речник на македонскиот јазик: во 3 тома. Скопје: Огледало, 2003–2009.
- ФФ — *Thomai J.* Fjalor frazeologjik i gjuhës shqipe. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS te Shqiperise, Instituti i Gjuhesise dhe i Letersise, 1999.
- Fjalor 1980 — Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS te Shqiperise, Instituti i Gjuhesise dhe i Letersise, 1980.
- Tirta 2004 — *Tirta M.* Mitologija ndër shqiptarë. Tiranë: Shkenca, 2004.

Color Terms in the Idioms with the Meaning of Blessing and Curse in some Balkan Languages

In the course of convergent development, the peoples living on the Balkan Peninsula significantly influenced each other, borrowing numerous cultural and linguistic phenomena. Thus determined the formation of the Balkan cultural and linguistic landscape. It is interesting to analyse the idioms with the meaning of blessing and curse in the Balkan Slavic languages, in particular in Bulgarian, Macedonian and Serbian, in comparison with the non-Slavic Albanian language. The found correspondences demonstrate a high degree of interlingual and intercultural interaction of these neighboring peoples.

DOI: 10.31168/0459-6.35

К. В. Осипова (Екатеринбург, Россия)

Чай в языке и культуре Русского Севера¹

В докладе на примере русской диалектной лексики, связанной с чаем и чаепитием, прослеживается, как «чужой» для русской культуры продукт и традиция его употребления осваивается народной культурой и берет на себя символические функции, ранее характерные для других продуктов и напитков. Обращаясь к говорам Русского Севера — а это, прежде всего, Архангельская, Вологодская области и север Костромской, — мы видим, что на этой территории с чаем связана обширная группа лексики, текстов фольклора, элементов обрядов, верований, запретов, предписаний, этикетных формул и пр. Соответствующие сведения широко представлены в материалах Топонимической экспедиции Ураль-

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».